

Глава 1

— Юньэр, неужели ты и впрямь выполняешь его приказ и хочешь убить меня? — Дуанфан Ду с неверием смотрел на Ань Юнь, державшую в руке меч, нацеленный прямо на него.

Человек перед ней был тем, кого она любила всем сердцем. Она так сильно хотела вызволить её из числа тайных стражей, чтобы та следовала за ней, хотела защищать её и лелеять, но никак не ожидала, что настанет такой день.

— Прости, я... я тайная стража императора. Бывший император ушел из жизни, и теперь я подчиняюсь новому. Император приказал мне убить тебя, я... я... я не смею ослушаться.

Рука, сжимавшая меч, слегка подрагивала, а в глубине души раздавался повторимый эхом голос, звавший: «Брат Ду...»

— Право слово, не ожидал, что мой старший брат окажется столь безжалостен. Трон ведь и так принадлежит ему! Зачем же отправлять тайных стражей убивать нас, его братьев, одного за другим?!

— Прости, брат... брат Ду...

— Брат Ду? Ха-ха-ха, ты всё ещё называешь меня братом Ду? Ты направляешь на меня меч и при этом так ласково зовешь братом Ду? Моя Юньэр, будь она хоть тысячу раз тайным стражем, никогда не подняла бы на меня оружие!

— Брат Ду, я знаю, что твои боевые искусства превосходны. Если я не смогу убить тебя, уходи отсюда и никогда больше не возвращайся! — Ань Юнь вспоминала всё, что происходило между ними в прошлом: с момента их первой встречи и до сегодняшнего дня прошло ровно семь лет. Глядя на горькую усмешку Дуанфан Ду, она могла лишь шептать про себя: «Брат Ду, императорский приказ трудно нарушить. Я заплачу этой жизнью за твою прошлую заботу обо мне. Уходи отсюда и живи дальше. И больше никогда... никогда больше не влюбляйся в такую женщину, как я».

— Если суждено погибнуть от твоего меча в этой жизни, я делаю это по доброй воле. Если будет иная жизнь, лучше бы нам больше никогда не встречаться. Отныне ты не моя Юньэр, а я больше не твой брат Ду. В следующей жизни я больше не полюблю тебя. Нет! Я лишь молю о том, чтобы у меня больше не было следующей жизни.

Закончив говорить, Дуанфан Ду сделала шаг вперед, левой рукой зажала клинок Ань Юнь, с улыбкой посмотрела на неё и выпятила грудь навстречу удару. Ань Юнь думала, что Дуанфан Ду собирается защищаться, и никак не ожидала, что та сама добровольно шагнет прямо на её меч.

— Брат Ду!

Меч пронзил грудь. Воцарилась абсолютная тишина, и слышен был лишь мерный звук падающих капель.

Глава 2

— Раз ты не просишь о новой жизни, тогда воспользуйся своими грядущими жизнями — всеми перерождениями одно за другим, — чтобы обменять их на шанс прожить эту жизнь заново.

— Кто ты?

Вокруг простиралась лишь бескрайняя тьма, не было видно ни людей, ни предметов, и Дуанфан Ду могла слышать лишь чей-то голос.

— Я? Владыка Преисподней, что дарует тебе вторую жизнь.

— Владыка Преисподней? Но я вовсе не хочу жить снова. — Услышав слова о том, что ей дарят новую жизнь, Дуанфан Ду горько усмехнулась. — Я не прошу о новой жизни лишь для того, чтобы больше не встречать её. Моё искреннее чувство было отдано не тем людям, и я расплатилась за это собственной жизнью — как нелепо. Я лишь боюсь, что в круговороте перерождений, утратив память, я снова непременно и безотчетно полюблю её, столкнувшись с ней вновь. Я всеми силами бегу от этого, а ты заставляешь меня жить заново? Что мне делать с ней?! Снова полюбить её, позволить ей убить меня во имя так называемого неоспоримого императорского приказа или же ожесточить сердце и убить её самой?!

Видя, что Дуанфан Ду впала в исступление, Владыка Преисподней лишь холодно произмолвил:

— Уже поздно. Я вычеркнул твои будущие жизни из книги реинкарнаций. Сейчас я отправлю тебя назад. Помни: у тебя сохранились все воспоминания, но при этом нет будущего перерождения. Если ты погибнешь, твоя душа рассеется и навсегда исчезнет между небом и землей. Любить её и умереть ради неё, ненавидеть её и убить её или же прожить совершенно иную жизнь — право выбора целиком и полностью в твоих руках.

Дуанфан Ду ощутила внезапное головокружение и потеряла сознание. А когда она медленно открыла глаза, то обнаружила, что вокруг ярким светом горит множество светильников. Оглядевшись по сторонам, она поразилась:

— Это что же, мои собственные покои?

— Сынок мой, ты наконец-то очнулся... Ты температурил два дня, матушка так переживала за тебя...

— Матушка! Ты жива! Матушка, я так скучала по тебе... — Увидев, что её матушка жива, Дуанфан Ду бросилась к ней в объятия. Она помнила, что её матушка внезапно умерла, когда ей было четырнадцать лет, и она никак не ожидала, что сможет вновь увидеть её.

— Ах ты ребенок, неужели жар совсем повредил твой разум?! — Наложница Сянь, матушка Дуанфан Ду по имени Сунь Иване, нежно погладила её по спине. — Сейчас я велю лекарю Ли зайти и посмотреть, полностью ли ты поправилась.

Этот придворный лекарь Ли, Ли Шунань, и наложница Сунь Иване были друзьями детства и росли вместе. Когда-то Ли Шунань дал обет защищать лишь её одну всю свою жизнь, полагая, что, когда они вырастут, он сможет взять Сунь Иване в жены. Кто же мог знать, что ее отец Сунь Ихун отправит Сунь Иване во дворец, где в конце концов она станет наложницей Сянь. Ради данной в детстве клятвы Ли Шунань усердно изучал искусство пульса, иглоукалывания и фармакологию, пока наконец не попал в Императорскую медицинскую академию и не стал придворным лекарем.

Помимо старой няньки Ли и дворцовой служанки Банлань, прислуживавших Дуанфан Ду, истинную сущность Дуанфан Ду — то, что она на самом деле была девушкой, переодетой юношей, — знал лишь этот придворный лекарь Ли Шунань.

Дуанфан Ду отпустила матушку:

— Матушка, я отчетливо помню, что когда мне было четырнадцать...

— Глупый ребенок, разве тебе сейчас не четырнадцать? Ты и вправду бредишь в жару! — Наложница потрогала лоб Дуанфан Ду. — Жар спал, видимо, мой Ду-эр просто слишком долго проспал.

— Мне сейчас четырнадцать? — Дуанфан Ду осмотрела собственное тело, затем внимательно взглядела в лицо матери и невольно заплакала: — Четырнадцать... Оказывается, всё, что я выменяла ценой всех своих грядущих жизней, — это возвращение в эти четырнадцать лет!

Ань Юнь прижимала к себе бездыханное тело Дуанфан Ду и бормотала:

— Брат Ду, ты ранен и не можешь идти. Хочешь, Юньэр понесет тебя отсюда на руках? Я обещаю тебе: мы уйдем из тайной стражи и отправимся в ту долину, куда ты меня однажды приводил. Давай проживем там всю оставшуюся жизнь, хорошо?

Обнимая Дуанфан Ду, Ань Юнь без сна и отдыха бежала на легких шагах три дня и три ночи, пока наконец не добралась до той горной долины, что отыскала Дуанфан Ду. В её ушах словно звучали слова, которые та когда-то говорила ей: «Юньэр, это долина, которую я случайно обнаружил. Я не хочу быть никаким принцем. Не оставишь ли ты тайную стражу, чтобы уединиться со мной здесь? Смотри, это маленький деревянный дом, который я велел построить. Неподалеку течет ручей, мы можем охотиться в горах или ловить рыбу в реке. Здесь

тихо и уединенно, нет никаких интриг и никто не потревожит нас. Тебе нравится здесь?»

— Нравится, брат Ду, мне здесь нравится. Когда-то я покачала головой лишь потому, что не смела и представить, будто однажды смогу уединиться с тобой в таком месте. Мне правда очень нравится здесь. Я пришла сюда, давай проживем здесь всю нашу жизнь, хорошо? Когда твоя рана заживет, мы вместе пойдем в горы бить диких фазанов и ловить кроликов! — с улыбкой говорила Ань Юнь, прижимаясь к сидевшему на руках мертвецу и рисуя в воображении их будущее.

Отворив дверь деревянного домика, Ань Юнь бережно уложила Дуанфан Ду на кровать:

— Брат Ду, я пойду принесу воды, чтобы умыть тебе лицо. Посмотри, твоё лицо совсем испачкалось! А ведь ты больше всего на свете любишь чистоту!

— Брат Ду, скоро я помогу тебе перевязать рану. Мне придется снять с тебя одежду — когда ты проснешься, тебе придется нести за это ответственность! — Ань Юнь аккуратно распустила одеяния Дуанфан Ду и вдруг неожиданно заметила, что ее грудь туго обмотана слоями белой ткани. — Выходит, брат Ду — женщина? — Ань Юнь слабо улыбнулась. — Даже если брат Ду — женщина, она всё равно самый любимый человек для Юньэр, и Юньэр по-прежнему будет звать тебя братом Ду.

Кровь на ране уже запеклась, но Ань Юнь всё равно бережно насыпала целебный порошок на рану Дуанфан Ду, а затем аккуратно перевязала её тканью.

— Брат Ду, это отменный порошок от ран, твоя рана очень быстро затянется и перестанет болеть.

— Брат Ду, впредь будь осторожнее и больше не калечь себя.

— Брат Ду, ты не голодна? Я пойду добуду еды, проснись скорее и поешь немного, ладно?

— Брат Ду, я пойду наберу цветов, в комнате почему-то появился неприятный запах. Я знаю, что ты любишь чистоту и порядок, а еще любишь ароматические курения — во всем виновата я, прекрасно знала твои привычки, но не додумалась купить курильницу для благовоний.

— Брат Ду, я принесла много цветов, но я совсем не знаю их названий. Ты же принц, ты так много повидал, наверняка ты знаешь, что это за цветы. Проснись и Расскажи мне, хорошо?

— Брат Ду, твоя рана уже не кровоточит, почему же ты всё еще не просыпаешься? Брат Ду, неужели ты слишком устала, поэтому спишь столько дней и никак не можешь проснуться? С этих пор Юньэр будет заботиться о тебе и защищать тебя, чтобы ты больше не уставала и не страдала от ран!

— Брат Ду, неужели ты и вправду больше не хочешь Юньэр? Неужели совсем не хочешь меня видеть? Проснись же скорее, умоляю!

Ань Юнь разговаривала с Дуанфан Ду день за днем, но та не отвечала ей ни единым словом.

На девятый день Ань Юнь наконец столкнулась с реальностью лицом к лицу:

— Брат Ду, это я убила тебя! Это я убила тебя! Оказывается, ты умерла! Во всем виновата я! Это во всем моя вина! Я отправлюсь за тобой, подожди меня на дорогах Хуанцюаня. Давай будем вместе в следующей жизни, хорошо? Ты говорила, что больше не мой брат Ду, но я не согласна! Не согласна! Ты мой брат Ду — в этой жизни, в следующей жизни, из века в век ты навсегда останешься братом Ду для Юньэр!

Ань Юнь подожгла деревянный домик, легла на кровать и крепко прижалась к Дуанфан Ду.

— Брат Ду, этот домик построил ты, а теперь Юньэр сжигает его. Не сердись на Юньэр, ладно? Если ты не ругаешь Юньэр, значит, ты не злишься и не винишь меня!

Ань Юнь легко поцеловала Дуанфан Ду в губы, взяла лежавший рядом кинжал и со всей силой вонзила его себе в грудь, медленно закрывая глаза:

— Как хорошо, я скоро увижу брата Ду. На груди у Юньэр будет точно такая же рана, как у тебя, так что когда ты увидишь меня, обязательно прости меня...

Глава 3

— Ду-эр, что за «жизнь за жизнью», что за «возвращение в эти четырнадцать лет»? — Наложница видела, что ее драгоценный сын несет какую-то бессмыслицу, в которой не удавалось разобрать ни слова, и ее лицо было искажено тревогой.

— Эй там! Живо ступайте поторопите лекаря Ли, пусть немедленно явится сюда! — в испуге приказала наложница, отправляя еще одного евнуха в Императорскую медицинскую академию за Ли Шунанем.

— Слушаюсь, — отозвался молодой евнух, стоявший на страже у входа в покои, и со всех ног бросился в медицинское ведомство.

Дуанфан Ду поспешно сжала руку матушки:

— Матушка, не нужно никого посылать за лекарем Ли. — Наложница Сунь Иване была биологической матерью Дуанфан Ду, а потому, естественно, являлась человеком, которому та

доверяла в этом мире больше всего. — Матушка, я... нет... ваш покорный слуга... нет, вашему покорному слуге сейчас вовсе не четырнадцать, мне исполнилось двадцать лет. — Дуанфан Ду на мгновение замолчала, но все же решила открыть матери всю правду.

— Что с тобой, дитя мое, почему ты говоришь такое, от чего матушка понимает тебя все меньше и меньше?

— Матушка, выслушайте меня спокойно и не перебивайте, — молча размышляя пару мгновений, Дуанфан Ду привела мысли в порядок и тихо заговорила: — Матушка, тело у меня и впрямь четырнадцатилетнего подростка, но душа моя — двадцатилетней девушки. В тот год, когда мне исполнилось двадцать, на престол взошел Дуанфан Си. Взойдя на трон, он подослал убийц расправиться со мной и другими принцами. Я... ради спасения одного человека добровольно приняла смерть, но никак не ожидала, что, открыв глаза вновь, окажусь четырнадцатилетней. — Дуанфан Ду опустила подробности встречи с Владыкой Преисподней и цену в виде утраты будущих перерождений, сказав лишь, что после смерти в двадцать лет она вернулась в возраст четырнадцати лет.

Услышав рассказ Дуанфан Ду, наложница застыла на месте как вкопанная. Дуанфан Ду понимала, что матери будет невероятно трудно в это поверить. Подумав немного, она снова заговорила:

— Матушка, по моим воспоминаниям, зимой моего четырнадцатого года жизни, седьмого числа двенадцатого месяца пятнадцатого года Цяньшэн, вы... вы внезапно скончались...

— Ты хочешь сказать, что матушка умрет грядущей зимой, когда тебе исполнится четырнадцать? — Услышав слова Дуанфан Ду о том, что она скончается седьмого числа двенадцатого месяца пятнадцатого года Цяньшэн, наложница невольно содрогнулась от ужаса: «Разве это не в следующем месяце?». Помедлив немного, она продолжила расспросы: — Ты... ты и вправду мой Ду-эр? В этом теле действительно покоится двадцатилетняя душа, душа моего Ду-эр? — Наложница окинула взглядом своего ребенка со всех сторон. Это был человек, которого она вынашивала десять месяцев под сердцем, и он уж точно не стал бы ее обманывать, но сказанное звучало так невероятно, что верится в это отказывалось наотрез.

— Матушка, ваш покорный слуга никогда вас не обманывал! — Дуанфан Ду крепко сжала руку матери, желая убедить её в том, что она — это подлинная Дуанфан Ду, абсолютно здоровая и в своем уме. — Матушка, поверьте мне!

— Но... но как же... — Наложница не знала, как выразить свои мысли, и, помявшись еще с полминуты, так и не завершила фразу.

— Докладываю вашей светлости: лекарь Ли прибыл! — В этот самый момент запыхавшаяся Банлань вбежала в покои с докладом.

— Ду-эр, давай сначала лекарь Ли осмотрит тебя. Если с твоим здоровьем и впрямь всё в порядке, тогда матушка... матушка поверит твоим словам. — Нежным и ласковым голосом

проговорила наложница, обращаясь к Дуанфан Ду, после чего повернулась к служанке: — Пусть лекарь Ли войдет.

— Приветствую наложницу Сянь, приветствую второго принца, — отдал положенный поклон Ли Шунань и украдкой бросил взгляд на наложницу. С тех пор как Сунь Иване стала императорской наложницей, он больше не смел смотреть ей прямо в глаза. Прежде он мог заключать её в объятия, мог смотреть на неё с нежностью, а теперь вся эта глубокая страсть должна была таиться на самом дне сердца, и даже чтобы просто взглянуть на нее, ему приходилось украдкой коситься или смотреть издалека.

— Лекарь Ли, поднимитесь. Сперва проверьте пульс у Ду-эр и посмотрите, полностью ли он оправился от болезни. — Наложница поднялась с места и отступила назад, позволяя врачу подойти к сыну.

— Слушаюсь. — Лекарь Ли подошел ближе и приложил пальцы к запястью Дуанфан Ду. Спустя мгновение он поднялся, сложил руки в приветственном жесте и доложил: — Докладываю наложнице и второму принцу: жар у второго принца спал, недуг отступил, и он полностью вне опасности. Тело лишь немного ослабло и требует отдыха и восстановления. По возвращении я составлю рецепт, и по нему для второго принца приготовят целебные отвары для укрепления сил.

— Вот и славно. — Выслушав лекаря Ли, наложница бросила лишь эту короткую фразу и снова опустила рядом с Дуанфан Ду.

— Тогда этот скромный слуга пока удалится. — Ли Шунаню хотелось задержаться хоть ненадолго, но перед ним сидела наложница Сянь, любимая женщина императора, да к тому же находился он в покоях принца, так что задерживаться здесь ему было не положено.

— Лекарь Ли, задержитесь на мгновение, — остановила уходящего наложница. Она велела Лэнмэй и Нинчжу, следовавшим за ней, встать на страже снаружи, после чего обратилась к врачу: — Старший брат Шунань, спасибо тебе за то, что хранишь тайну Ду-эр, спасибо, что все эти годы оберегал нас с сыном. — Дуанфан Думала о том, что в следующем месяце ее, возможно, уже не будет в живых, и единственным ее опасением оставался ребенок: — Старший брат Шунань, если меня не станет, позаботьтесь о Ду-эр вместо меня.

Как давно она не слышала этого обращения — «старший брат Шунань»! Услышав, как наложница назвала его так, Ли Шунань больше не стал именовать ее официальным титулом и, осмелев, произнес:

— Иване, с тех пор как ты вошла во дворец, а я стал императорским лекарем, ты больше ни разу не звала меня старшим братом Шунанем. Я дал обет защищать тебя всю свою жизнь и, разумеется, сдержу слово — защищу и тебя, и второго принца.

— Старший брат Шунань, ради меня вы так и не женились всю свою жизнь, да еще и выучились на лекаря, чтобы попасть в Императорскую медицинскую академию. Я буду помнить вашу

преданность до конца своих дней. В этой жизни нам не суждено быть вместе, но в жизни будущей... в следующей жизни я непременно отплачу вам за эту любовь.

— Иване, что с тобой? — Заметив, что слова Сунь Иване звучат так, будто она дает последние наставления, Ли Шунань не удержался от вопроса.

Наложница покачала головой:

— Ничего, старший брат Шунань.

— Матушка, не переживайте, ваш покорный слуга защитит вас! — услышав разговор наложницы и лекаря Ли, Дуанфан Ду прекрасно поняла, что мать опасается за свою жизнь и боится, что после ее смерти некому будет лелеять её и оберегать.

Поскольку в покоях не было посторонних — лишь она сама, матушка да лекарь Ли, — Дуанфан Ду продолжила:

— Лекарь Ли, этот принц всегда понимал ваши глубокие чувства к матушке. Я доверяю вам, лекарь Ли, а потому хочу открыть вам одну вещь...

Дуанфан Ду поведала лекарю Ли собственную историю, а заодно предупредила, что седьмого числа двенадцатого месяца жизнь её матери может оборваться.

— Кстати, матушка, какое сегодня число?

Наложница бросила взгляд на лекаря Ли и ответила сыну:

— Сегодня седьмое число одиннадцатого месяца.

Услышав слова Дуанфан Ду, хотя поверить в них было трудно, Ли Шунань при мысли о том, что его Иване действительно может внезапно умереть через месяц, почувствовал, как в груди заныло.

— Иване, в этом месяце тебе нужно быть предельно осторожной. Проверяй всю еду и питье серебряными иглами, и едва почувствуешь себя плохо — тут же вели кому-нибудь позвать меня из медицинской академии!

— Остался всего один месяц? Матушка, не бойтесь, ваш покорный слуга защитит вас. Раз уж я все равно болею, матушка, оставайтесь в моих покоях подольше. Пока я здесь, никто не посмеет вас ранить!

— Придется поступить именно так. Старший брат Шунань, возвращаясь в медицинскую академию, тебе не следует задерживаться здесь надолго. — Отослав лекаря Ли, наложница снова повернулась к Дуанфан Ду: — Ду-эр, удастся ли матушке миновать эту напасть — неизвестно. Больше всего на свете матушка страшится того, что через шесть лет, когда тебе исполнится двадцать, твой старший брат наследный престол Дуанфан Си и впрямь подошлет убийц расправиться с тобой и остальными принцами...

— Матушка, ваш покорный слуга уже умирал однажды и только теперь понял, как важна жизнь. Раз уж мне дано прожить ее во второй раз, то уж этот трона Дуанфан Си не получит ни за что!

Глава 4

Услышав, как её сын смеет произносить столь крамольные речи, за которые не сносить головы, наложница поспешно прижала ладонь ко рту Дуанфан Ду и, слегка покачав головой, прошептала:

— Ду-эр, понимаешь ли ты, какова будет участь твоя, если слова, что ты только что произнес, дойдут до людей наследного принца? Мало того что наследник расправится с тобой самолично, даже если сам император услышит подобное, он никоим образом не оставит тебя в живых.

Пока император еще пребывал на троне, мысли какого-либо из принцев о захвате власти в Поднебесной являлись тягчайшим преступлением против государя. И речь шла даже не о простом посягательстве на статус кронпринца — с самого дня назначения наследника преемственность в государстве считалась раз и навсегда решенной, и любое вожделение трона наследника приравнялось к посягательству на сам трон императора.

<http://bllate.org/book/21756/2249733>